

Антропология власти и топосы меритократии

В. В. Кузнецов

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Введение. Статья посвящена исследованию феномена человеческого достоинства в контексте таких традиционных социальных институтов, как религия и государство. Предпринята попытка концептуализации меритуса и меритократии. Философский концепт значим лишь тогда, когда за ним стоит жизненное содержание. У Ф. Ницше – это воля к власти, у Н. А. Бердяева – свобода и творчество, у З. Фрейда – либидо, у В. В. Розанова – энергия пола. Именно наличие подобной силы определяет действенность философии. В наше время всеобщей фрагментарности знаний и их разбросанности по сферам многоликой культуры необходимо найти то, что безусловно соединяет и связывает вопреки всеобщему разделению.

Содержание. Религия и государство являются важнейшим средством формирования достойного образа жизни. Их целесообразно рассматривать как сложные меритократические системы, отвлекаясь от иных функций этих социальных институтов. Эти системы осуществляют утверждение и одновременно обуздание как «сильных», так и «слабых» (обездоленных), с их протестным самоутверждением, обеспечивают трансформацию негативных человеческих качеств в позитивные. Установление и поддержание равновесия между достоинством элит и масс также является важнейшей функцией религии и государства.

Современная философия ищет не просто индивидуальное знание, важное для утверждения достоинства какого-то конкретного человека, но знание родовое, необходимое для выживания и достойного существования человеческого рода в целом. Необходимо именно такое родовое знание, когда глубоко личное в человеческой жизни имеет поистине всеобщее значение. Таково знание о личностном становлении и росте как духовном восхождении, которое в таких модусах, как героизм, святость, гениальность принадлежит одновременно времени и вечности.

Выводы. В религиозном и государственном контексте имеет место сложное и противоречивое единство принципа достойного существования и социальных законов. С одной стороны, в основе меритократических систем, таких как религия и государство, находится принцип достойного существования. Это значит, что данная система осуществляет восхождение человека к высоким личностным образцам, что является фактором поступательного развития общества в целом. С другой стороны, являясь социальными институтами, религия и государство подчиняются действию социальных законов. Это значит, что наряду с достойным человеческим типом они формируют тип, лояльный власти и удобный для «сильных мира сего».

Ключевые слова: власть, достоинство, служение, самоутверждение, меритократическая система, обуздание достоинства, трансформация негативных качеств.

Для цитирования: Кузнецов В. В. Антропология власти и топосы меритократии / В. В. Кузнецов // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2023. – № 1. – С. 49–68. DOI 10.35231/18186653_2023_1_49

Anthropology of Power and toposes of Meritocracy

Vladimir V. Kuznetsov

*Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
Sankt-Peterburg, Russian Federation*

Introduction. The article is devoted to the study of the human dignity phenomenon in the context of such traditional social institutions as religion and the state. An attempt is made to conceptualize merit and meritocracy. A philosophical concept is meaningful only when there is a vital content behind it. According to F. Nietzsche it is the will to power, by N. A. Berdyaev – it is freedom and creativity, by Z. Freud – libido, V. V. Rozanov – the energy of sex. It is the presence of such a force that determines the effectiveness of philosophy. In our time of universal fragmentation of knowledge and its dispersion across the spheres of diverse culture, it is necessary to find something that unconditionally connects and binds despite the universal division.

Content. Religion and the State are the most important means of forming a decent lifestyle. It is advisable to consider them as complex meritocratic systems, distracting from other functions of these social institutions. These systems affirm and simultaneously curb both the “strong” and the “weak” (disadvantaged), with their protest self-affirmation, ensure the transformation of negative human qualities into positive ones. Establishing and maintaining a balance between the dignity of elites and the masses is also the most important function of religion and the State.

Modern philosophy seeks not just individual knowledge, important for the assertion of the particular person dignity, but generic knowledge, necessary for the survival and decent existence of the human race as a whole. It is precisely this kind of generic knowledge that is needed when the deeply personal in human life has truly universal significance. This is the knowledge of personal formation and growth as a spiritual ascent, which in such modes as heroism, holiness, and genius belongs simultaneously to time and eternity.

Conclusions. In the religious and state context, there is a complex and contradictory unity of the principle of decent existence and social laws. On the one hand, meritocratic systems such as religion and the State are based on the principle of a decent existence. This means that this system carries out the ascent of a person to high personal standards, which is the factor for the progressive development of society as a whole. On the other hand, being social institutions, religion and the state are subject to the action of social laws. This means that along with a decent human type, they form a type loyal to the authorities and convenient for the “powerful of this world”.

Key words: power, dignity, service, self-affirmation, meritocratic system, curbing dignity, transformation of negative qualities.

For citation: Kuznetsov, V. V. (2023) Antropologiya vlasti i toposy meritokratii [Anthropology of Power and toposes of Meritocracy] *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 1. Pp. 49–68. (In Russian). DOI 10.35231/18186653_2023_1_49

Введение

Как возможно человеческое достоинство? С одной стороны, в современную эпоху происходит катастрофическая убыль личностного достоинства. Но, с другой стороны, достоинство никуда не уходит из культуры – оно рассеивается, продолжая быть осмысленным через проблемы поступка, ответственности и диалога. Одновременно происходит осмысление достоинства человека, как представителя той или иной профессии, конфессии, этноса, государства. Таким образом, происходит нарастание актуальности данного концепта в системе этических категорий. Это делает возможным новую интерпретацию достоинства как отдельного концепта, так и в контексте категориальной системы в целом.

Именно достоинство является одной из главных стержневых опор личностного существования. На достоинстве человека основаны как личностный выбор, так и национальное, этническое и социальное самоопределение в современном глобальном мире. Признание достоинства *другого* является основой повседневного общения и взаимодействия людей. Поэтому данная ценность способна соединить разорванные фрагменты нашего нынешнего существования.

Задача философии состоит не только в том, чтобы мыслить о достойном существовании. По мнению Аристотеля, «наша наука не имеет целью теорию (знание), как другие науки (ведь не для того мы рассуждаем, чтобы знать, что такое добродетель, а для того, чтобы стать хорошими людьми: в противном случае наука наша была бы бесполезной)» [2, с. 170]. То есть, главной целью является достойное поведение, а отнюдь не умозрение.

Поскольку достоинство человека всё-таки существует, то важно понять в каких социальных структурах и каким образом происходит его формирование. Поэтому мы рассматриваем феномены религии и государства, в которых осуществляется восхождение человека к достойным личностным образцам.

По мысли русского философа Н. А. Бердяева, в человеке скрыта тайна познания и загадка бытия. Именно человек и есть «то загадочное в мире существо, из мира необъяснимое, через которое только и возможен прорыв к самому бытию» [3, с. 39]. Антропологизм в практической философии должен быть повышен в своём качестве, так как он изначально

но онтологичен. Поэтому проблематика достоинства имеет не только аксиологический характер, но может быть рассмотрена и в контексте антропологической онтологии.

Субъектом достоинства является человеческое «Я». Это «Я» есть тождество индивида самому себе, являющееся результатом самоопределения человека. Формирование «Я» совпадает с процессом становления и развития человеческого рода. В европейской культуре важнейшей вехой на этом пути является личностно ориентированное христианство [18, с. 862]. Тезис Ницше о «смерти Бога» не отменил, а парадоксальным образом, усилил коллизию *предстояния*: с исчезновением абсолюта должен появиться сверхчеловек.

Современные философы-постструктуралисты и постмодернисты – Ж. Деррида, Ж. Делёз и, в первую очередь, М. Фуко сформулировали тезис о «смерти» уже не только Бога, но и человека как субъекта. Это значит, что современная западная философия перешла в «новую постантропологическую эпоху, для которой характерен отказ от идеи человека как высшей ориентирующей общественное развитие ценности» [16, с. 155]. В данном контексте уже невозможно существование субъекта в современном мире. Восхождение человека к Богу – в христианской традиции, и к новому человеку – в традиции гуманистической более не рассматривается как главное право и одновременно человеческий долг.

М. Фуко считает человека «ансамблем структур, делающих его возможным». Это напоминает определение человека, данное К. Марксом, когда человек рассматривался как совокупность общественных отношений. Точка зрения Фуко, как отмечает Б. В. Марков [16], близка к аристотелевскому определению человека как политического существа. При этом «политическое» описывается как система дисциплинарных пространств, которые определяют и поведение человека, и его внутреннюю психическую жизнь. Французский философ считал недопустимым понимание общества как некоей абстракции, которая действует вне человека. Общество интегрировано в самые потаённые уголки его души и тела [25, с. 92]. Главная мысль Фуко, важная для проблематики данной статьи, заключается в следующем: власть формирует человека таким, как ей нужно. Тезис о «смерти человека» отрицает

гуманистическую позицию, основанную на вере, что человек способен ограничить власть разумностью или моральностью.

Философы Просвещения исходили из того, что власть есть результат своего рода «общественного договора», который заключили люди, уставшие от войны «всех против всех». В отличие от них, Фуко, подобно Платону, считал порядок власти существующим изначально. Власть у Фуко не редуцируется к институтам политики. Она неуловима, анонимна и, вместе с тем, всепроникающа. Власть действует как совокупность микроскопических и анонимных структур, конституирующих человеческое сознание, соединяющих его спонтанные проявления бессознательного в «коллективное тело государства». Фуко анализировал «микрофизику власти» в проявлениях таких дисциплинарных пространств, как тюрьмы, больницы, школы и казармы. Человек определяется Фуко не как субъект, то есть хозяин, а как подлежащее в буквальном значении этого слова, то есть как послушная кукла власти.

«Человек, о котором говорят, и к освобождению которого призывают, с самого начала выступает результатом угнетения, которое гораздо древнее, чем он сам. Его душа живёт в нём и задаёт экзистенцию, которая сама есть сцена господства, где исполняется власть над телом. Точно также душа – это инструмент политической анатомии, темница тела» [15, с. 38].

Порядок власти сам создает своих субъектов. Ж. Делёз и Ф. Гваттари также описывают в своих исследованиях природу человека как результат работы власти, которая трансформирует сознание, делая его таким, как ей нужно.

Наряду с отмеченным подходом, существует устойчивая традиция аналитики ценностей, восходящая к неокантианству, в контексте которой рассматривается достоинство. Данная традиция представлена такими авторами как В. Виндельбандт, Г. Риккерт, Р. Г. Лотце, В. Декомб. Честь, верность, достоинство и иерархия выступают базовыми понятиями философии традиционализма, представленной такими именами как Р. Генон и Ю. Эвола.

А. Бергсон, Ф. Хайек и К. Поппер противопоставили общества «закрытого» и «открытого» типов. С их точки зрения «закрытое» (тоталитарное) общество отрицает универсальный характер такой ценности, как достоинство. П. Адо показал на примере античности, что философия это в первую оче-

редь образ жизни, а отнюдь не дискурс (речь). Это значит, что важно не то, что философ пишет, а то, как он живет. Поступок важнее мысли.

В западной социальной философии и социологии XX века достоинство человека в аспекте его личного престижа было исследовано с точки зрения его стратификационного содержания. Б. Барбер, М. Вебер, К. Дэвис, Р. Мертон, У. Мур, Т. Парсонс, А. Р. Рэдклиф-Браун рассматривали достоинство как социальный статус личности, являющийся следствием стратификационного деления социума. Т. Веблен, Г. Зиммель, В. Зомбарт, Р. Миллс и Г. Тард анализировали достоинство в аспекте «престижного потребления». В контексте существования элит и масс достоинство было исследовано в работах П. Бурдьё, Х. Ортеги-и-Гассета, Р. Миллса, К. Мангейма, Г. Марсея, Э. Канетти. Наиболее фундаментальные работы по исследованию достоинства как социального престижа принадлежат П. А. Сорокину и М. Веберу. Концепция меритократии как власти достойных качеств была разработана в текстах Х. Арендт [1], Д. Белла [5], М. Янга [24].

Содержание исследования

Религия и государство могут быть рассмотрены как сложные меритократические системы. Современная идея меритократии («власть достойных») является трансформацией аристократического начала в условиях Новейшего времени. Меритократия в понимании автора данной работы есть «практическая реализация чести и достоинства как первопринципа культуры» [11, с. 141]. Начало меритократии осуществляется в действии общественного механизма, реализующего социальный отбор наиболее достойных людей на значимые социальные позиции. Результатом этого процесса является та или иная степень меритократичности стратификационной системы.

Меритократичность есть степень соответствия значимых общественных позиций личностным и профессиональным качествам людей, их занимающих. Отличие нашего методологического подхода к пониманию меритократической системы от принципа меритократии в интерпретации М. Янга и Д. Белла заключается в «идее ранга», разработанной И. А. Ильиным [9, с. 141]. Как отмечает современная российская исследова-

тельница О. Л. Гнатюк, Х. Арендт, М. Янг, Д. Белл, при различии оттенков смысла в их понимании меритократии, имели в виду процесс, при котором «значительная часть населения, усердно трудившаяся и усваивавшая прогрессивные культурные веяния, начала требовать для себя большего культурного веса» [6, с. 20]. По мнению же русского философа, одной из основных задач государства как такового является осуществление «идеи духовного ранга» [9]. Значит, в основе меритократической системы находится принцип достойного существования.

Автор данной статьи рассматривает достоинство как первопринцип культуры, интерпретируемый на личностном уровне как постоянное усилие *самопревосхождения*. На уровне общественном принцип чести и достоинства сформулирован с античных времен в известном афоризме: «Слава героям, позор трусам». Аристотель понимал справедливость как воздаяние по заслугам, по доблести, по чести. Общество поощряет и вознаграждает достойное поведение своих членов и подвергает осуждению и презрению поведение недостойное. Таким образом, первопринцип культуры выступает одним из главных социальных регуляторов, структурирующих человеческое поведение. Особенность меритократической системы, в понимании автора, заключается в том, что данное понятие в новых современных условиях утверждает принцип духовной иерархии и нравственного достоинства и этим отличается от понятия социальной стратификации, которое является нейтральным по отношению к моральным ценностям [9].

В буржуазную эпоху, метафизически совпадающую со «смертью христианского Бога», принцип чести и предстояния оказался потеснен приоритетом морали материального успеха, который выражается, прежде всего, в форме богатства. Сложная комбинаторика принципа достойного существования и морали процветания существовала всегда, но в традиционной культуре принцип достоинства как воинской доблести доминировал в иерархии ценностей. Аристотель, например, считал, что хрематистика, как тип хозяйства, целью которого является достижение богатства, является видом деятельности, которой занимаются «низкие люди» [2, с. 55].

В Новое время соотношение в данной комбинаторике меняется. Капитализм изначально создавался усилиями ростовщиков, всевозможных авантюристов и прочих радикально настроенных групп. Носители протестантского капиталистического духа были лишь одной, хотя и самой большой, из этих групп. Капиталистический переворот в значительной степени провели пассионарные маргиналы, не нашедшие себя в традиционной средневековой иерархической системе. Культура Нового времени знала как великие достижения Лейбница и Ньютона, симфонии Бетховена, так и большое количество жестокости, мерзости и грязи. Гордыня и алчность из тяжких грехов превратились в добродетели. Таковы были, по оценке В. Зомбарта, результаты ценностной революции Нового времени. На место небесного Бога пришел земной – деньги [8, с. 6].

«Капиталистическая система ценностей, по сути, превратила пять из семи смертных грехов христианства — гордыню, зависть, скупость, алчность и похоть — в положительные общественные добродетели, видя в них неперемненные побуждения ко всякого рода хозяйственной деятельности; а главные добродетели, начиная с любви и смирения, были отвергнуты как “вредящие делу” — не считая тех случаев, когда они делали рабочий класс более послушным и покорным хладнокровной эксплуатации» [14, с. 361–362].

С утверждением идей Нового времени, наряду с принципом чести, на первое место выходит новая иерархия ценностей и заслуг, центром которой становится земной успех, который выражается, в первую очередь, в форме накопления капитала. Кальвинистская религиозная доктрина сакрализует данный путь. Отныне накопление богатства и земной успех как таковой есть прославление Бога земными делами, в котором кальвинист обретает надежду на спасение. Побеждает меритократическая модель, имеющая протестантские сакральные основания. Поэтому важно понять, как возможно существование религии в современном мире, и какова её роль в структуре современного социума [12, с. 6].

Религия, как меритократическая система, регулирует поведение людей через контроль над мыслями и чувствами верующих. Это значит, что недостойные мысли, как и недостойное поведение, греховны. Каждая религия имеет свою иерархию тяжести грехов. Грех отягощает как земное существование, так и последующую жизнь за границами бытия. Верующие живут

в перспективе реальности будущего бытия за границами земной жизни. Поэтому воздействие религии сильнее, по крайней мере, не слабее влияния принципа чести, хотя А. де Токвиль полагал, что в период расцвета принципа чести данное соотношение было обратным [21].

Религия требует нравственно измениться от человека, привыкшего к греху, стать лучше, жить достойнее. С экзистенциальной точки зрения, религия оставляет возможность сохранить душу в бездушном мире, остаться человеком в бесчеловечных обстоятельствах. Религия дает возможность увидеть смысл в бедах и, таким образом, не раствориться в них. Благодаря ей, человек осуществляет духовно-нравственное восхождение. Пантеон героев, сонм святых, когорта великих людей становятся примерами позитивного личностного самоутверждения. Они создают систему личностных образцов для формирования человеческого достоинства.

Большую роль играет религия как средство обуздания стихии негативного самоутверждения. Нравственно негативное значение того, что Ницше называл *ресентимент*, то есть «низость воображаемой мести», компенсируется тем, что протестное самоутверждение униженных и оскорблённых трансформируется в месть воображаемую, точнее, идеальную: угнетателям воздастся за всё, содеянное ими. Поэтому не нужно ненавидеть сильных обидчиков и пытаться им отомстить самим «здесь и сейчас». Мечь, точнее, справедливое возмездие сильным и хищникам, произойдёт в силу естественного порядка вещей. Наоборот, необходимо прощать личных врагов, всевозможных обидчиков и оскорбителей – хотя бы для того, чтобы прощены были мы сами. Закон мироздания, олицетворённый во Христе, совершит высшее возмездие. Здесь возможны аналогии с Дао, законом кармы, справедливой волей Аллаха.

Христианство предложило, в качестве борьбы с агрессивной стратегией обуздания гордыни, гнева, мести, злобы. Они объявляются смертными грехами, за которые следуют страшные кары, как на этом свете, так и на том. Позитивной же трансформацией грехов протестного гнева, смертной обиды, униженной злобы стал именно ресентимент. При всех справедливых филиппиках Ф. Ницше в отношении данного феномена, он сыграл роль позитивного превращения реального

протестного гнева униженных в воображаемую месть. Таким образом, если использовать термин современной психотерапии, то произошла канализация агрессии.

Сдерживающая роль христианской религии по отношению к агрессивному самоутверждению «сильных» проявляется, например, в следующем. Духовный путь христианина требует от человека не навязывать свою волю другому человеку, а в своем предельном, монашеском варианте предполагает «отсечение» именно своей воли как проявление духовной силы смирения. Это путь обуздания, ограничения самоутверждения сильных, контроля над агрессией и гневом, который в пределе предполагает их полное преодоление. Это путь достойного христианина. Таким образом, религия осуществляет обуздание как агрессивного самоутверждения сильных людей, так и протестного самоутверждения обездоленных.

Особенно важным является обуздание агрессивного мужского самоутверждения, проявляемого при становлении современных воинов. «Человеческое, слишком человеческое» желание «стариков» отыграться на «молодых» за свои предыдущие унижения есть проявление именно ресентимента («Мы терпели, пусть они потерпят, чем же они лучше нас»). Отомстить своим обидчикам сначала не хватает физических и моральных сил. Когда же появляется сила и формируется вера в себя, уже нет обидчиков, а есть новый призыв¹. Таким образом, армейский опыт подтверждает, что ресентимент является психологической составляющей социальных законов. Сутью данного подхода является выявление и обоснование социальных законов, ядром которых является закон «экзистенциального эгоизма». Именно в таком качестве «старослужащими» воспринимается и собственное унижение в качестве молодых воинов и последующее унижение ими самими нового призыва. Став «хозяевами положения», они становятся на позицию оправдания и того и другого, как элементов «справедливого порядка», формирующего «настоящих мужчин».

В беседе с солдатами православный священник сказал, что есть способ покончить с «дедовщиной»: солдаты, которые

¹ Дедовщина в Российской армии: истоки и методы борьбы / Военное обозрение [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/14574-dedovschina-v-rossiyskoy-armii-istoki-i-metody-borby.html> (дата обращения: 01.12.2022).

испытали унижения и жестокое обращение, дают клятву, что сами не будут это вымещать на молодых воинах. На вопрос священника, готовы ли они дать такую клятву, солдаты промолчали. Это пример того, как православное христианство, с одной стороны, утверждает человеческое достоинство «слабых», одновременно, ограничивает, обуздывает самоутверждение «сильных». Данная сложная проблема может быть решена, главным образом, религиозно. Солдаты воюющей армии верят, что Бог сохранит их как от пули, так и, главным образом, от власти страха погибнуть. Поэтому они способны принять и нравственные ограничения, налагаемые верой, в том числе и воздержание от насилия и унижений «младших»¹.

Критики христианства полагают, что желание благодати может не иметь причины более высокой, чем естественный инстинкт самосохранения. Шопенгауэр обнаруживает «эгоистические корни» во всякой религиозной морали, поддерживающей нравственное воздаяние за поступки наградами и наказаниями, хотя бы и в потустороннем мире. Страх Божий также может рассматриваться как позитивная трансформация инстинкта самосохранения и страха смерти.

Как социальный институт, религия подчиняется действию социальных законов, в первую очередь, закона «экзистенциального эгоизма». Но это не умаляет её значения, как и отмеченный Шопенгауэром факт того, что именно человеческий инстинкт самосохранения является наиболее существенным фактором, заставляющим христианина исполнять заповеди своей веры [23, с. 9]. Даже в этом случае происходит постепенная трансформация животного страха за свою жизнь в страх Божий. По слову героя фильма Павла Лунгина «Остров», отца Анатолия: «Умирать не страшно. Страшно перед Богом стоять». Животный ужас смерти преодолевается, трансформируясь в страх высшего суда.

Православно-христианская традиция исходит из того, что признание принципиально разного качества человеческой природы, то есть изначальное и ничем не отменяемое деление людей на избранных, менее достойных и отверженных, является закономерным следствием гордыни и челове-

¹ Церковь и дедовщина / МИЛОСЕРДИЕ.RU [Электронный ресурс]. URL: <https://www.miloserdie.ru/article/cerkov-i-dedovshhina/> (дата обращения: 01.12.2022).

[60] кобожия. В реальном обществе всегда существует иерархия и разделение людей на «сильных» и «слабых», богатых и бедных, активных и пассивных, успешных и неудачников, – следовательно, достойных и недостойных. Различные религии по-разному интерпретируют данную проблему. Христианство утверждает достоинство «нищих духом», даёт им нравственное оправдание, «алиби в бытии», великое утешение и надежду. То, что религия дает обездоленным «великое утешение», исполняя функцию компенсации социального унижения, признавал и К. Маркс.

Ислам, подобно христианству, решает задачи утверждения и, одновременно, обуздания достоинства. Джихад обычно понимается как «священная война против неверных». Но в традиционном исламе это, прежде всего, «старание», «усилие»¹. «Джихад сердца» есть самосовершенствование правоверных, самосовершенствование разума. Именно здесь реализуется принцип достойного существования. «Джихад языка» предписывает, что человек должен владеть языком, чтобы ничем не унижить, не оскорбить, не обидеть. Здесь осуществляется обуздание агрессивного самоутверждения и протестного самоутверждения «униженных» и «оскорблённых». «Джихад руки» также обуздывает гнев и агрессию, проявляемые в человеческой деятельности. «Джихад меча» есть усилие оружия отстоять ислам от неверных, когда исламские святыни в опасности от тех, кто сознательно отвергает их. «Джихад меча» является «малым» и временным в отличие от первых трех «великих» джихадов.

Государство, как меритократическая система, подобно религии, прошло различные стадии своего развития. Определяя различие между традиционной и современной (новоевропейской) государственной системой оценки заслуг и распределения наград, сошлемся на суждение П. А. Сорокина: «различие это состоит в том, что теперь степень заслуг индивида определяется уже не его принадлежностью к той или иной группе, а его личными свойствами, его индивидуальными свойствами» [19, с. 256]. С точки зрения русско-американского социолога, «критерий оценки заслуг в современном обществе стал инди-

¹ Понятие Джихада в исламском вероучении / Islam.global [Электронный ресурс]. URL: <https://islam.global/verouchenie/vera/ponyatie-dzhikhada-v-islamskom-verouchenii/> (дата обращения: 01.12.2022).

видуальным и равным. Таким образом, в новоевропейском обществе были отменены наследственные привилегии. Во-вторых, исчезли религиозно-юридические основания социальной дифференциации. Это значит, что личность освободилась от опеки группы, рода, племени, касты и сословия, личность стала самостью, таковой выступает и таковая же оценивается» [19, с. 257]. Именно эта тенденция развития современного общества обусловила переход к самоутверждению и автономии индивида как доминирующему способу формирования достоинства человека. Действительно, раб, будь он даже храбрый и мудрейший, как Эзоп, все равно оставался «вещью». Господин же был и оставался «персоной», личностью, даже если он был моральным ничтожеством. Справедлив и вывод П. А. Сорокина: «аршином, которым измерялась в древности величина заслуг того или иного индивида, были не их личные заслуги и фактические свойства, а характер и социальное положение той группы (рода, касты, сословия), членами которой они были» [19, с. 256].

В средневековье достоинство рыцаря оценивается выше купеческого: лишь у рыцаря признается честь как таковая, у купца же – «честность», «слово честное купеческое». Главный выбор «честь или бесчестие» есть на всех уровнях иерархии, но уровень выбора воина выше уровня выбора горожанина. В ситуации повседневности существует достоинство труженика, но достоинство доблести в иерархии находится выше достоинства труда. В эпоху Нового времени на Западе меритократическая система работает как система «сдержек и противовесов». Самоутверждение военных уравнивается достоинством богатых. Достоинство большинства народа, благодаря численности, уравнивает *тюмос* (честолюбие) элиты. Горожан и крестьян больше, чем рыцарей и богатых купцов, хотя *тюмос* последних сильнее. Сама идея противопоставить достоинство одних самоутверждению других вместо того, чтобы перевоспитывать честолюбивых принцев и стражей, как это предлагали Платон и Аристотель, была сформулирована Н. Макиавелли. Достоинство народа уравнивало честолюбие аристократии: в этом, по мнению Ф. Фукуямы, проявилась роль системы «сдержек и противовесов», впоследствии достигшей своего классического формата в США [22].

[62]

Американская меритократическая система функционирует следующим образом. Система поощрений и наказаний работает, трансформируя негативные личностные, этнические и национальные качества в позитивном векторе. Так, слабость трансформируется в смирение и покорность существующему порядку вещей. Сила, агрессия трансформируется в гордое воинское самоутверждение или в агрессивный бизнес, увеличивающий богатство семьи, народа в целом. Алчность трансформируется в энергию частного интереса, которая обеспечила в Новое время фантастический рост производительных сил. При этом социум обуздывает самоутверждение богатых (та же добродетель смирения). Их хищная энергия имеет оборотной и сдерживающей стороной широкую благотворительность, меценатство.

Именно с утверждением буржуазных ценностей начинается раскрепощение влечений и инстинктов. Это происходит не сразу. Первоначально протестанты – суровые ригористы. Но постепенно со «смертью Бога» порядок власти идей и смыслов уступает место порядку желаний. Начинают господствовать манипулятивные технологии власти, которые ранее назывались «макиавеллизмом» и часто осуждались с точки зрения морального дискурса [13]. Манипулятивные технологии постепенно начинают доминировать над жёсткими репрессивными практиками.

Противостоящий глобальному американскому господству, русский коммунизм есть, по справедливому суждению Н. А. Бердяева [4], «превращённая форма православного царства». Коммунизм является диалектическим отрицанием самоутверждения капитала. В своём отрицании нравственной мерзости капитала коммунизм был прав, что хорошо показал тот же Бердяев. Коммунизм есть отрицание разложившегося «русского средневековья», русской православной традиции (смерть русского Абсолюта). «Бог умер», значит, должен прийти тоталитарный сверхчеловек каковым мог в пределе стать «советский простой человек». Императив великой и трагической эпохи был выражен следующим образом: «когда страна прикажет быть героем, у нас героем становится любой». Коммунизм сумел обуздать самоутверждение сильных хищников, трансформировав их негативное

самоутверждение в воинский и начальственный дух. Коммунизм, как превращенная форма православия, сумел укрепить дух «сильных» («а кто сильным был, стал ещё сильнее»). Мощное самоутверждение реализовалось как жертвенное служение делу строительства сверхдержавы. Коммунизм укрепил «слабых», то есть трудящиеся массы, как никогда высоко поставив в социальной иерархии достоинство рабочего человека. Все, признанные в качестве «своих», нашли достойное место по своим возможностям в «общем деле». С. Г. Кара-Мурза прав в том, что коммунизм стал реальной попыткой создать социум «без деления на избранных и отверженных», как идеал [10].

Но при этом коммунизм, укрепив достоинство «сильных», ограничил их инициативу, зажав в жесткие тоталитарные рамки. Массовым репрессиям подверглись и самые лучшие, те, кто не вписывался в «прокрустово ложе» системы. Уровень «социальной физики» допускает, что нравственный негатив успешно трансформируется в позитив специфическими западническими и специфическими коммунистическими способами. Но духовно-онтологический уровень предполагает: грех, если он не преодолён, рождает только грех. Поэтому трагическое крушение советской сверхдержавы именно в данном контексте не является случайностью или делом рук исключительно внешнего противника.

Стратегией преодоления деградации современной России, осуществляемой её нынешним руководством, постепенно становится возвращение приоритета принципа достойного существования, поощряющего достижения, а не только внешний успех. Необходимо восстановление пантеона героев, ученых, святых. Нельзя разрушать корневые архетипы культуры. Опорные образы коллективного бессознательного отечественной культуры являются не препятствием, а основой успешной экономической модернизации страны. Необходима актуализация стыда и совести как негативных оснований достойного поведения. Для этого в сфере менталитета социума необходимо воссоздание дифференциации добродетелей и пороков. Это предполагает преодоление ситуации, когда в общественном сознании исчезает понятие греха.

Выводы

Итак, меритократическая система есть сложное взаимодействие взаимопроникающих и одновременно противостоящих друг другу страт. Успешное функционирование системы обеспечивается грамотным соблюдением меритократических принципов. Таковыми являются:

1. Утверждение достоинства, как лично и социально сильных людей, так и слабых. В широком смысле, меритократическая система – это все то, что формирует личностное и социальное достоинство членов общества: система норм, нравственных ценностей и идеалов, высоких смыслов и идей, достойных личностных образцов. Каждый человек, богатый или бедный, лично сильный или слабый, должен занять достойное место в «общем деле», соответствующее его качествам. Меритократия предполагает создание «социальных лифтов» для достойного личностного развития.

2. Обуздание агрессивного самоутверждения «сильных» людей и агрессивно-протестного самоутверждения «слабых». Значительная часть знаменитого диалога Платона «Государство» посвящена тому, как обуздать достоинство стражей-воинов. Стражи, по определению, являются защитниками государства, но их достоинство обладает качествами, которые могут быть трансформированы в хищную агрессию обычно верных «сторожевых псов». Точно также нуждается в обуздании хищное достоинство богатства. Различные религии по-разному обуздывают эгоизм. В христианстве он рассматривается как тяжкий смертный грех гордыни. В качестве средства преодоления гордыни выступает смирение, рассматриваемое как подлинное проявление духовной силы. Смирение также призвано ограничить протестное самоутверждение «обездоленных». Пусть человек унижен в земной жизни, в ином мире бедняк заслужит достойную участь. В этом смысле, религия является мощным сдерживающим фактором против революционных потрясений.

3. Принцип позитивной трансформации негативных человеческих качеств. Запад продемонстрировал блестящий пример позитивной трансформации нравственных пороков и их использования на благо социального целого. Индивидуалистическое самоутверждение является главной движущей

силой развития западного общества. Эгоизм, жадность, алчность, зависть, безусловно, являются пороками. Но зависть к чужому успеху заставляет человека мобилизоваться, с целью достичь еще большего результата. Конкуренция эгоистических самоутверждений работает на процветание общества в целом. Политическая система Запада, особенно США, успешно использует принцип «нейтрализации порока пороком». Данный принцип используется в системе «сдержек и противовесов».

Интересна в этой связи аналитика опыта русского коммунизма, разработанная А. А. Зиновьевым [7, с. 20–24]. С его точки зрения, советское общество располагало далеко не лучшим человеческим материалом. Это проявилось, как в написании миллионов доносов в период массовых репрессий, так и в большом масштабе предательства, как в начальный период Великой Отечественной войны, так и в период «перестройки». Но негативные качества советского человека ограничивались и позитивно трансформировались мощной системой контроля поведения людей. Эту систему составляли первичные коллективы, партийные, комсомольские, профсоюзные организации, мощная идеологическая обработка. В этих условиях для советского человека были важны доброе имя и позитивная репутация. Поэтому он старался, чтобы даже негативные поступки выглядели как совершенные для пользы дела и общего блага. Таким образом, далеко не лучший человеческий материал, по мнению Зиновьева, действовал как вполне хороший и сумел решить великие задачи строительства, обороны и последующего развития советской империи.

4. Установление и поддержание равновесия между достоинством элит (знати) и масс (простолюдинов). Представители знати выше в смысле доблести, но их гораздо меньше, чем простолюдинов. Простолюдины полагаются знатю «подлой чернью», но количественно значительно превосходят знать. При этом власть аристократии отнюдь не абсолютна. Вождь (например, русский монарх) часто обращался прямо к народу, минуя бояр, используя народ в противовес знати. Нарушение данного равновесия ведет к дезинтеграции общества. Проблемой же современного мира является уже не «восстание масс» (Х. Ортега-и-Гассет), но «восстание элит» (К. Лэш), более того, их деградация и «пигмеизация» (А. А. Зиновьев).

Таким образом, религию и государство целесообразно рассматривать как меритократические системы. Это значит, что в данных системах происходит, во-первых, утверждение достоинства; во-вторых, осуществляется обуздание самоутверждения (борьба с гордыней); в-третьих, происходит трансформация негативных качеств в позитивные (агрессия мужского самоутверждения преобразуется в энергию защитников семьи, общества и Отечества); в-четвертых, достоинство элит уравнивается достоинством масс. Власть, с одной стороны, предохраняет общество от хаоса, с другой стороны, общество вырабатывает механизмы защиты жизни и достоинства граждан от произвола самой власти.

Основной идеей современной философии является не тождество мышления и бытия, а самоактуализация самости. Так называется процесс воздействия на себя. Значит, философское постижение человека осуществляется не просто через реконструкцию его сущностных характеристик, а через осмысление человеческого бытия в мире. Исследование достоинства раскрывает саму сущность бытия.

Список литературы

1. Арендт Х. О деятельной жизни / пер. с нем. В. В. Бибихина. – СПб.: Алетейя, 2000. – 437 с.
2. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Минск: Литература, 1998. – 1392 с.
3. Бердяев Н. А. Опыт парадоксальной этики. – М.: Аст, 2003. – 701 с.
4. Бердяев Н. А. Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма. – М: Сварог и К°, 1997. – 416 с.
5. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Academia, 2004. – 783 с.
6. Гнатюк О. Л. Русская политическая мысль начала XX века: Н. И. Кареев, П. Б. Струве, И. А. Ильин. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. технич. ун-т, 1994. – 126 с.
7. Зиновьев А. А. Гибель русского коммунизма. – М.: Центрполиграф, 2001. – 431 с.
8. Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека / пер. с нем. – М.: Наука, 1994. – 442 с.
9. Ильин И. А. Наши задачи. – М.: Айрис-пресс, 2008. – 515 с.
10. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. – М.: ЭКСМО-Пресс; Алгоритм, 2002. – 537 с.
11. Кузнецов В. В., Климов В. Ю., Панов Р. А. Честь как основание этики достижений или как проявление морали успеха (на примере политехников) // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. – 2016. – № 1 (239). – С. 140–150.
12. Кураев А., протоиерей. Разговор со своими. За семинарскими стенами: моногр. – М.: Никея, 2011. – 224 с.

13. Макиавелли Н. Государь / пер. с ит. Г. Муравьевой. – М.: ЛитРес, 2017. – 340 с.
14. Мамфорд Л. Миф машины: Техника и развитие человечества / пер. с англ. – М.: Логос Σ., 2001. – 404 с.
15. Марков Б. В. Философская антропология: учеб. – СПб.: Питер. 2008.
16. Марков Б. В. Философская антропология: очерки истории и теории. – СПб.: Лань, 1997. – 380 с.
17. Наука. Величайшие теории: Камень, ножницы, теорема. Фон Нейман. Теория игр. – М.: Де Агостини, 2015. – 168 с.
18. Новейший философский словарь. – Минск: Изд. В. М. Скакун, 1998. – 878 с.
19. Сорокин П. А. Человек, цивилизация, общество / пер. с англ. А. Ю. Согомонова. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
20. Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика. – М.: Астрель, 2006. – 1176 с.
21. Токвиль Алексис де. Демократия в Америке. – М.: Прогресс, 1992. – 554 с.
22. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / пер. с англ. М. Б. Левина. – М.: Изд-во АСТ; Полиграфиздат, 2010. – 588 с.
23. Шопенгауэр А. Афоризмы и максимы. – М.: Эксмо-Пресс, 1998. – 736 с.
24. Янг М. Возвышение меритократии // Утопия и утопическое мышление / отв. ред. В. А. Чаликова. – М.: Прогресс 1991. С. 317–346.
25. Foucault M. Von Freundschaft als Lebensweise. Berlin, 1984. 92 s.

References

1. Arendt, H. (2000) *O deyatel'noj zhizni* [About active life]. Sankt-Peterburg: Aletejya. (In Russian).
2. Aristotel'. (1998) *Etika. Politika. Ritorika. Poetika. Kategorii* [Ethics. Politics. Rhetoric. Poetics. Categories]. Minsk: Literatura. (In Russian).
3. Berdyaev, N. A. (2003) *Opyt paradoksa'noj etiki* [The experience of paradoxical ethics]. Moskva: Ast. (In Russian).
4. Berdyaev, N. A. (1997) *Filosofiya svobody. Istoki i smysl russkogo kommunizma* [Philosophy of freedom. The origins and meaning of Russian communism]. Moskva: Svarog i K°. (In Russian).
5. Bell, D. (2004) *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo: opyt sotsial'nogo prognozirovaniya* [The Coming Post-Industrial Society: A Social Forecasting Experience]. Moskva: Academia. (In Russian).
6. Gnatyuk, O. L. (1994) *Russkaya politicheskaya mysl' nachala XX veka: N. I. Kareev, P. B. Struve, I. A. Il'in* [Russian political thought at the beginning of the 20th century: N. I. Kareev, P. B. Struve, I. A. Il'in]. Sankt-Peterburg: SPbGTU. (In Russian).
7. Zinov'ev, A. A. (2001) *Gibel' russkogo kommunizma* [The death of Russian communism]. Moskva: Tsentrpoligraf. (In Russian).
8. Zombart, V. (1994) *Burzhua: Etyudy po istorii dukhovnogo razvitiya sovremennogo ekonomicheskogo cheloveka* [Bourgeois: Studies on the history of the spiritual development of modern economic]. Moskva: Nauka. (In Russian).
9. Il'in, I. A. (2008) *Nashi zadachi* [Our tasks]. Moskva: Ajris-press. (In Russian).
10. Kara-Murza, S. G. (2002) *Sovetskaya Tsvilizatsiya* [Soviet Civilization]. Moskva: EKSMO-Press: Algoritm. (In Russian).
11. Kuznetsov, V. V., Klimov, V. Yu., Panov, R. A. (2016) *Chest' kak osnovanie etiki dostizhenij ili kak proyavlenie morali uspekha (na primere politekhnikov)* [Honor as the basis of the ethics of achievements or as a manifestation of the morality of success (on the example of polytechnics)]. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshhestvennye nauki* [St. Peterburg State polytechnical university Journal. Humanities and Social Sciences] No. 1 (239). Pp. 140–150. (In Russian).
12. Kuraev, Andrej, protodiakon (2011) *Razgovor so svoimi. Za seminarскими stenami*. [Talking to yours. Behind the seminary walls]. Moskva: Nikeya. (In Russian).
13. Makiavelli, N. (2017) *Gosudar* [Sovereign]. Moskva: LitRes. (In Russian).

[68]

14. Mamford, L. (2001) *Mif mashiny: Tekhnika i razvitie chelovechestva* [Machine Myth: The Technique and Development of Humanity]. Moskva: Logos Σ. (In Russian).
15. Markov, B. V. (2008) *Filosofskaya antropologiya* [Philosophical anthropology]. Sankt-Peterburg: Piter. (In Russian).
16. Markov, B. V. (1997) *Filosofskaya antropologiya: ocherki istorii i teorii* [Philosophical Anthropology: essays on history and theory]. Sankt-Petersburg: Lan'. (In Russian).
17. Nauka. (2015) *Velichajshie teorii: Kamen', nozhnicy, teorema. Fon Nejman. Teoriya igr.* [Science. Greatest Theories]. Moskva: De Agostini. (In Russian).
18. Noveishij filosofskij slovar' (1998) [The newest philosophical dictionary]. Minsk: Izd. V. M. Skakun. (In Russian).
19. Sorokin, P. A. (1992) *Chelovek, tsivilizatsiya, obshchestvo* [Man, civilization, society]. Moskva: Politizdat. (In Russian).
20. Sorokin, P. A. (2006) *Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika* [Social and cultural dynamics]. Moskva: Astrel'. (In Russian).
21. Tokvil', Aleksis de. (1992) *Demokratiya v Amerike* [Democracy in America]. Moskva: Progress. (In Russian).
22. Fukuyama, F. (2010) *Konets istorii i poslednij chelovek* [The End of History and the Last Man]. Moskva: Izd-vo ACT: Poligrafizdat. (In Russian).
23. Shopengauer, A. (1998) *Aforizmy i maksimy* [Aphorisms and maxims]. Moskva: Eksmo-Press. (In Russian).
24. Yang, M. (1991) *Vozvyshenie meritokratii* [The Rise of Meritocracy] *Utopiya i utopicheskoe my'shlenie* / ed. V. A. Chalikova. Moskva: Progress. Pp. 317–346. (In Russian).
25. Foucault, M. (1984) *Von Freundschaft als Lebensweise*. Berlin. (In German).

Об авторе

Кузнецов Владимир Викторович, кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0002-1095-6124, e-mail: volodiakuznetsov@yandex.ru

About the author

Vladimir V. Kuznetsov, Cand. Sci (Philos), assistant professor, St. Petersburg Polytechnic University of Peter Great, Sankt-Peterburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0002-1095- 6124, e-mail: volodiakuznetsov@yandex.ru

Поступила в редакцию: 24.12.2022
Принята к публикации: 13.02.2023
Опубликована: 20.03.2023

Received: 24 December 2022
Accepted: 13 February 2023
Published: 20 March 2023